

Московский профессор на кафедре Латвийского университета

С. Н. Ковальчук

Для цитирования: Ковальчук С. Н. Московский профессор на кафедре Латвийского университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 235–255. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.114>

Научное наследие историка Роберта Юрьевича Виппера принадлежит России и Латвии. Виппер, блестящий знаток античной истории, философии, права, религии, культуры Востока, глубокий исследователь европейской и мировой истории, в 1924 г. эмигрировал в Латвию, стал профессором в Латвийском университете. Он был последователем духовного наследия философа, правоведа, историка Дж. Вико, который в начале XVIII столетия первым в истории европейского гуманитарного знания предложил внимательно относиться к локальным культурам, локальной истории, социальной жизни, правовой системе, хозяйству, всей иерархии ценностей (религии, искусству, языку), оценить вклад локальных культур в общечеловеческую культуру. В трудах, написанных в Латвии, проф. Випперу удалось применить — теоретически и практически — идеи Вико. Особо пристальное внимание российский историк уделил становлению национальной исторической науки, всестороннему изучению крестьянского вопроса в истории Латвии. Но следует помнить о вкладе в изучение крестьянского вопроса в истории Латвии и Гарлиба Меркеля, Юрия Самарина и его книги «Крестьянский вопрос в Лифляндии» (Берлин, 1876). Новизна работ Виппера по крестьянскому вопросу в Лифляндии заключается в том, что он глубоко изучил законодательные акты конца XVI — начала XVIII в., которые привели к закабалению крестьян. В публикациях на латышском, немецком и русском языках историк сумел ввести в контекст общеевропейской истории историю Латвии и историю крестьянского вопроса в Лифляндии. На протяжении 17 лет жизни в Латвии ученый опубликовал много учебных пособий для школ, научные труды на латышском языке по истории Нового времени (XVI–XIX). Профессор воспитал большое число латвийских историков, всегда призывал студентов к исследованию рижских архивов.

Ключевые слова: Роберт Виппер, Латвийский университет, русские эмигранты в Латвии, крестьянский вопрос в Лифляндии.

Светлана Николаевна Ковальчук — д-р филос., ведущий исследователь, Латвийский университет, Латвия, LV 1050, Рига, бульвар Калпака, 4; fsi@lza.lv, sv.kovalchuk@gmail.com

Svetlana N. Kovalchuk — Doctor in Philosophy, Senior Researcher, University of Latvia, 4, Kalpaka boulevard, Riga, LV 1050, Latvia; sv.kovalchuk@gmail.com

Статья написана в рамках государственного исследовательского проекта: VPP-IZM-2018/1-0018 «Indivīda, sabiedrības un valsts mijiedarbība kopējā Latvijas vēstures procesā: vērtību konflikti un kopīgu vērtību veidošanās vēsturiskos lūzuma punktos».

The article was written in the framework of the state research project: VPP-IZM-2018/1-0018 „The interaction of the individual, society and the state in the process of the general history of Latvia: conflicts of values and the formation of common values in critical historical periods”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

For citation: Kovalchuk S. N. Moscow Professor at the Department of the University of Latvia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 1, pp. 235–255. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.114> (In Russian)

The scholarly heritage of the historian Robert Y. Vipper belongs to Russia and Latvia. Vipper is a brilliant connoisseur of ancient history, philosophy, law, religion, culture of the East, an experienced researcher of European and world history. In 1924 he emigrated to Latvia and became a professor at the University of Latvia. The historian was a follower of the spiritual heritage of the philosopher, jurist, historian Giambattista Vico, who at the beginning of the 18th century was the first in the history of European humanitarian knowledge to carefully consider local cultures, local history, social life, legal system, economy, the entire hierarchy of values (religion, art, language), to evaluate the contribution of local cultures to the universal culture. Professor Vipper was able to apply, theoretically and practically, the ideas of Vico to his works written in the emigration in Latvia. He paid special attention to the formation of the national historical science, to a comprehensive study of the peasant question in the history of Latvia. But one should also remember the contributions by Garlib Merkel, Yuri Samarin and his book “The Peasant Question in Livland” (Berlin, 1876) to the study of the peasant issues in the history of Latvia. The novelty of Vipper’s writings on the peasant question in Livland was concerned his thorough study of the legislative acts of the late 16th-early 18th centuries, which led to the enslavement of peasants. In his works in Latvian, German and Russian languages the scholar managed to introduce the history of Latvia and the history of the peasant question in Livland into the context of European history. Over the 17-year-period of his life in Latvia, Vipper had published many teaching aids for schools and scholarly works in Latvian on the history of modern times (XVI–XIX). The professor brought up a large number of Latvian historians, always urging students to study the archives in Riga.

Keywords: Robert Y. Vipper, University of Latvia, Russian emigrants in Latvia, the peasant question in Livland.

23 августа 1924 г. профессор Московского университета Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954) въехал в Латвию через контрольно-пограничный пункт Себеж. Заграничный паспорт РСФСР за № 29732, предъявленный латвийским пограничником, был выдан 13 августа 1924 г.¹ В документе указывалось, что Виппер отправляется в Латвию сроком на один год, приводились и его антропометрические данные: рост низкий, глаза серые, нос обыкновенный, волосы с проседью. Документ интересен и по другой причине — автографом Ягоды, который подписал документ: «по Уполномочию Народного Комиссара по Внутренним делам /подпись/ Г. Ягода». Покинув Москву, профессор оставил не только службу в университете, но и частный дом Випперов — № 4 в Хлебном переулке². На перроне вокзала в Риге его встретил сын Борис Виппер (1888–1967), в недавнем прошлом профессор Московского

¹ *Vipers Roberts. Pase* // Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs. 2996. F.20. Apr. 21648. L. 1. lр. — Следует отметить, что фамилия Виппера на латышском языке в разные годы в печатных латышских изданиях писалась по-разному: Wipper, Vipper, Vippers, в итоге в конце 1930-х годов фамилия приобрела написание Vipers.

² Дом был собственностью покойной супруги профессора Анастасии Васильевны, урожденной Ахрамович (1863–1915).

университета, приехавший в Латвию с женой и тремя сыновьями месяцем ранее³. Так началась добровольная 17-летняя эмиграция семьи профессора Московского университета⁴. Поэтому предстоящее 160-летие проф. Роберта Виппера дает повод ввести в оборот забытые факты его жизни и оценить научную деятельность латвийского периода.

Несколько фактов из биографии профессора

Роберт Виппер родился 2 (14) июля 1859 г. в семье московского учителя, обрусевшего немца, лютеранина Виппера Георгия (Юрия) Францевича (1824–1891) и его супруги Шарлотты Георгиевны (1841–1874), урожденной Фуртвенглер (Furtvengler)⁵. Будущий профессор истории получил предварительное образование в доме родителей и поступил сразу же в 3-й класс классической гимназии при специализированном дипломатическом учебном заведении в Лазаревском институте. Гимназию окончил с золотой медалью в возрасте 17 лет и поступил на историко-филологический факультет Императорского Московского университета. Замечательные русские историки В. О. Ключевский, В. И. Герье, А. А. Шахов стали самыми важными его учителями. Он окончил университет в 1880 г. со званием кандидата истории. Педагогическая практика началась в 1881 г. в Школе живописи, ваяния и зодчества в Москве. Довелось преподавать в училище ордена Святой Екатерины, позже читал курсы истории в Николаевском женском училище, частной гимназии первого разряда М. Б. Пуссель на Покровке и других учебных заведениях. Начало академической карьеры затягивалось, только через семь лет были сданы магистерские экзамены, затем еще четыре года прошли в ожидании права преподавания в университете в качестве доцента. 1885/1886 учебный год, при материальной поддержке семьи, будущий профессор провел в университетах Берлина, Мюнхена, Вены, Парижа. К написанию магистерской диссертации приступил почти через 10 лет после окончания университета, с 1891 по 1894 г. писал диссертацию. В 1892 г. дополнительно съездил для архивных исследований в Женеву по теме диссертации «Церковь и государство в Женеве в XVI веке в эпоху кальвинизма». Научная работа, насчитывавшая 686 стр., отличалась высоким уровнем. В мае 1894 г. состоя-

³ *Vipers Boriss. Pase* // Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs. 2996. F.20. Apr. 13202. L. 1. lр. См. также: Idid. 21646. L. — Первыми получили заграничные паспорта РСФСР Борис Робертович Виппер и его супруга Мария Николаевна, 1896 г.р., урожденная Щенкова, происходившая из Московских купцов первой гильдии, владельцев шелкового предприятия Товарищества «С.Зубкова и Ко» в с. Хомутово (Щёлково). В ее паспорт были вписаны трое сыновей: Георгий (Юрий), Павел и Андрей. Паспорт Бориса Виппера за № 28712 был выдан 9 июля 1924 г. в Москве сроком на один год. В документ вписано: «отправляется в Латвию, Германию, Австрию и Италию. Настоящий паспорт действителен для проезда Государственной границы до 13 сентября 1924 г. Документ подписан по Уполномочию Народного Комиссара по Внутренним делам /подпись/ Г. Ягода». 22 июля 1924 г. семья въехала в Латвию через контрольно-пограничные пункты Себеж — со стороны СССР, Зилупе — со стороны Латвии. По приезде в Ригу 23 июля семья прописалась в Коммерческой гостинице в центре Риги, с 1 августа 1924 г. — на Рижском взморье в Асари, ул. Капу, д. 57.

⁴ Ковальчук С. Н. Настоящий изгнанник с собой всё уносит: судьбы ученых-эмигрантов в Латвии 1920–1944 гг. М., 2017. С. 279–314.

⁵ *Vipers Roberts. Latvijas Universitātes Personiskā lieta* // Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs. 7427. F. 13. Apr. 1922. L. 67. lр.

лась защита, и, несмотря на серьезные замечания, стала победой молодого ученого. С ноября 1897 г. началась карьера Виппера в стенах родного университета в Москве. С 7 августа 1899 г. он стал экстраординарным, с 1901 г. — ординарным профессором, занимал эту должность, согласно данным его личного дела в Латвийском университете, до 9 февраля 1922 г.⁶

В Московском университете профессором Виппером было подготовлено на протяжении десятилетий множество лекционных курсов (основных и по выбору), среди них курсы по философии истории, общественным идеям и теории истории XVIII–XIX вв. Много лет студенты с увлечением слушали в трактовке проф. Виппера историю древнего Востока, курс по эгейской культуре, историю Греции, римскую историю, историю Римской империи, наконец, историю раннего Средневековья (Византия и арабский Восток), историю позднего Средневековья. Ученого интересовали ранние цивилизации (введение в этнологию), и он стал читать лекции по этой теме. Создал авторские курсы лекций по римской теократии и ее упадку, истории развития городов, истории сектантства, истории Реформации католической церкви, истории XVII–XIX вв. За годы службы в стенах Московского университета профессор не раз бывал в научных командировках, трудился в библиотеках и архивах Европы. Главными работами этого важного периода сам Виппер считал следующие: «Церковь и государство в Женеве XVI веке в эпоху кальвинизма» (М., 1894), «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе» (М., 1908), «Очерки истории Римской империи» (М., 1908), «Очерки теории исторического познания» (М., 1912), «Две интеллигенции и другие очерки. Сборник статей и публичных лекций 1900–1912» (М., 1912), «История Греции в классическую эпоху» (М., 1916). Но помимо указанных работ профессор писал учебные пособия для студентов университетов и для гимназистов младших классов. Школьные учебники проф. Виппера печатались в Латвии в 1920–1930-х годах и пользовались популярностью среди школьников.

На протяжении долгой научной карьеры Р. Ю. Виппер показал себя как блестящий знаток античности (истории, философии, права, религии) и культуры Востока, исследователь европейской и мировой истории, наконец, критик теорий исторического оптимизма или теорий прогресса в духе Гердера, Гегеля, Конта, Спенсера, Маркса, о чем не раз писал в своих работах. По вопросу познания истории, постижения сути исторического процесса Виппер оставил о себе память как последователь духовного наследия историка, юриста, философа Дж. Вико (1668–1744), профессора Неаполитанского университета, глубокого знатока античной, римской истории, автора большого труда «Основания новой науки об общей природе наций» («*Principi di una scienza nuova d'intorno alia commune natura delle nazioni*»), одного из создателей теории круговорота истории и забытого предтечи немецкой исторической школы. За 60 лет до публикации в Риге основного труда Иоганна Готфрида Гердера «Идеи к философии истории человечества» («*Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*») в 1784–1791 гг. великий неаполитанец убежденно отстаивал ценность локальных (национальных культур). Вико с полным правом можно назвать родоначальником современной культурологии и так называемого

⁶ Интересные факты из жизни Московского университета, характеристики коллег и самого Р. Ю. Виппера можно почерпнуть из кн.: *Савин А. Н.* Университетские дела. Дневник 1908–1917 гг. М.; СПб., 2015.

культурного плюрализма, родоначальником исторической антропологии. Неожиданно неаполитанский ученый помог проф. Випперу в его научных исследованиях в годы эмиграции⁷.

Напомним, что о Дж.Вико писали многие современники Виппера: редактор журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевич, философ, историк, правовед Б.Н. Чичерин, социолог, литературный критик, идеолог народничества Н.К. Михайловский, философ, историк, социолог Н.И. Кареев. Но, пожалуй, только Випперу удалось в своих трудах, созданных в России, но особенно в Латвии, применить идеи Дж.Вико. Кстати, одной из первых публикаций проф. Виппера в Риге стала статья «Vēstures atkārtojums» — о круговороте, повторении истории, опубликованная в 1924 г. на латышском языке в № 266 газеты «Brīvā Zeme» («Свободная земля»), печатном органе партии «Крестьянский союз» Карлиса Ульманиса.

Накануне эмиграции в Латвию

В статьях 1916–1918 гг. в газетах «Утро России», «Заря России» Виппер бесстрашно излагал свое мнение о событиях тех лет⁸. Одна из статей Виппера февральского номера 1918 г. газеты «Заря России» называлась «Социализм или мещанство». Ответ последовал незамедлительно: критические нападки в адрес историка напечатала газета «Социал-демократ» от 7 марта 1918 г. Некто В. Сорин в статье «Мещане о социализме» разгромил профессора, характеризуя его как противника революции, недоброжелателя великого социалистического строительства. Атмосфера вокруг историка и московской интеллигенции накалялась. Несмотря на критичный настрой в отношении новой власти в России, Виппер не был включен в список принудительных эмигрантов — будущих пассажиров «философского парохода». Р. Виппер самостоятельно искал пути покинуть родину. Публикация «Ивана Грозного» не превратилась в акт покупки политической индульгенции. Только в 1922 г. в журнале «Под знаменем марксизма» была напечатана работа В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», и Виппер был объявлен сторонником «теоретико-познавательного критицизма», связанного с достижениями экспериментальной психологии (эмпириокритицизм). Не отстали от Владимира Ильича и другие авторы, громившие «буржуазного историка Виппера»⁹.

Несомненно, Роберт Виппер желал быть сыном, а не пасынком или отщепенцем своего времени, своей Родины, но новая власть готовила ему, как и многим другим русским интеллектуалам, роль изгоя, изгнанника. Посему он нашел смелость обратиться 23 августа 1922 г. с таким прошением в Совет Высшей школы Латвии (так до 1923 г. именовался Латвийский университет):

⁷ Горячим поклонником идей Вико слыл родившийся в Риге британский философ Исая Берлин. См. статью «Джамбаттиста Вико и история культуры» в сборнике работ философа: Берлин И. Философия свободы. Европа. М., 2014. С. 186–205.

⁸ Часть статей опубликована в сборнике: Виппер Р. Гибель европейской культуры: сб. статей и публичных лекций 1914–1918 гг. М., 1918.

⁹ Вспомним небольшой список рецензий: Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. 1922. № 3; Покровский М. Проф. Р. Виппер о кризисе исторической науки // Там же; Фридлянд Ц. Круговорот профессора истории // Печать и революция. 1923. № 6; Кареев Н. И. Профессор истории в круговороте жизни. Р. Виппер. Круговорот истории. Изд. «Возрождение». (Берлин, 1923) // Под знаменем марксизма. 1924. № 1.

В Совет Университета Латвии
от профессора Московского университета
Роберта Юрьевича Виппера

Заявление

Желаю вступить в число преподавателей университета Латвии, прошу покорнейше подвергнуть баллатировке мою кандидатуру на кафедру всеобщей истории, причем доведу до сведения Высокой коллегии, что я готов читать курс и вести практические занятия по следующим отделам истории: 1. Общая история Древности (также отдельные курсы по истории Востока, Греции, Рима), 2. Римская история, христианство, переход к Средним векам, 3. Культурная история средних веков, 4. Новейшая история, начиная с эпохи индустриального периода, 5. Философия и методология истории, 6. Обществоведение, 7. Ранняя культура и этнология.

Р. Виппер
23 августа 1922¹⁰.

Подчеркнем, почва для обращения проф. Виппера с прошением в Совет Высшей школы Латвии была подготовлена. До приезда в Ригу о Випперах знали многочисленные выпускники московских учебных заведений, представители латышской интеллигенции, находившиеся в эвакуации в российских городах, деловые люди. Так, книгоиздатель Ансис Гулбис (Ansis Gulbis), возвратившийся в Ригу из эвакуации в Петроград, с 1919 г. на протяжении многих лет издавал, переиздавал на латышском книги проф. Р. Виппера. К 1922 г. на латышский язык перевели учебные пособия «История древнего мира», «Средневековая история», «История Нового времени». Переводчиком первых изданий выступил Леон Паэгле (Leons Paegle), выпускник 1917 г. Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского.

О новых книгах Р. Виппера, вышедших в Москве, знали в Риге. Например, в 1923 г. в газете «Сегодня» за 4 августа (№ 167) на 2-й странице была опубликована рецензия на книгу «Иван Грозный», вышедшую в 1922 г., озаглавленная «Панегирист Ивана Грозного. Виппер». Автором выступил знаток русской истории А. А. Кизеветтер, он писал: «Придавленные самодержавием, идеализировали революцию. Обжегшись на революции, начинают идеализировать самодержавие. И, как всегда и во всем, тотчас же доходили до крайнего предела. <...> Уж коли начал человек вздыхать по самодержавию, так подавай ему самодержавие по всей форме, не самодержавие Александра II, даже не Петра I, а, по крайней мере, самодержавие Ивана Грозного. <...> Вот эту крайнюю форму самодержавия и начинают избирать предметом своих сердечных вздохов некоторые деятели, обжегшиеся на революционных мечтаниях. <...> Идеализировать Ивана IV и его правление — задача неблагодарная, ибо против нее вопиют все исторические документы, летописи и иные сказания, дошедшие до нас от той зловещей поры исторического прощлого».

¹⁰ *Vipers Roberts. Latvijas Universitātes Personiskā lieta. L. 88. lp.*

Коллеги по факультету филологии и философии

6 сентября 1924 г. Роберт Юрьевич на заседании факультета филологии и философии Латвийского университета был избран до 1 июля 1925 г. на должность внештатного профессора по истории Нового времени с зарплатой по ставке штатного профессора и с 6-часовой нагрузкой. Деканом факультета в тот год был известный в свое время в России синолог проф. Петерис Шмит. 13 октября проф. Виппер блестяще прочитал обязательную вступительную лекцию «История и современность».

Окружение, среда в университете и на факультете не были для Виппера чуждыми. Многочисленные студенты, учившиеся в Москве, вернулись в Ригу. Подавляющее большинство коллег только по факультету филологии и философии учились в Императорском Московском университете, Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского, Коммерческом институте, Археологическом институте или были их выпускниками, кто-то до 1917 г. работал в Румянцевском музее или музее Александра III. Назовем несколько имен: востоковед Петр Петрович Шмит (Петерис Шмитс), классический филолог Карл Иванович Страуберг (Карлис Страубергс), психолог Паул Дале и более молодые коллеги Арвед Швабе, Теодор Целмс, Арнольд Спекке. Наиболее прочно с Архитектурным институтом, Московским университетом, а до 1924 г. и с Саратовским университетом был связан профессор Франц Владимирович Баллод (Францис Балодис). На фоне младших по возрасту коллег по факультету профессор Виппер смотрелся как интеллектуально зрелый, многоопытный ученый, знавший мировую, европейскую историю, культуру, философскую мысль, имевший солидные разносторонние публикации.

Семья Випперов сохраняла гражданство Советской России, сменив его через пять лет, осенью 1929 г., на гражданство независимой Латвии. Руководство университета шло навстречу профессору: он получал разрешение читать лекции на русском языке до 30 июня 1929 г., позже это послабление было продлено еще на три года. Продлили и руководство кафедрой. Это было нарушением Устава университета, поскольку тем, кому за 70, следовало передавать свои дела молодым коллегам. Роберту Випперу, прекрасному лектору, чьи лекции посещали студенты других факультетов, так и не нашлось достойной замены! Впрочем, ему не составило бы труда читать лекции на немецком, как упорно читал лекции профессор кафедры минералогии Борис Анфиорович Попов, уроженец Риги, представитель некогда знаменитого купеческого рода, выпускник и сотрудник Императорского Санкт-Петербургского университета. Но в положении эмигранта дерзить руководству Латвийского университета было нерезонно.

9 июня 1932 г. Совет университета продлил профессору Випперу чтение лекций на пять лет, поскольку молодой преподаватель Маргер Степерманис, по мнению декана факультета, не был готов читать лекции в полном объеме. 5 мая 1934 г. руководству университета от деканата факультета филологии и философии была направлена очередная просьба оставить профессора Виппера на кафедре Новой истории и сохранить за ним руководство кафедрой. В обращении подчеркивалось, что, невзирая на научные нападки на профессора Виппера со стороны немецких историков, у него большие заслуги перед латвийской наукой, он успешно читает лекции, ведет семинары на латышском языке. Высоко результативны практические

занятия со студентами по научному освоению архивов¹¹. Спустя несколько лет нагрузка была несколько уменьшена, но лекционные часы по периоду Нового времени (1492–1640) оставили за профессором Р. Виппером.

В 1936 г. по решению Карлиса Улманиса был создан Институт истории Латвии, и проф. Виппер вошел в его состав. 16–20 августа 1937 г. состоялся представительный съезд историков Балтийских стран, на открытии которого речи произносили сам доктор Улманис, высокие чиновники государства и гости из Швеции, Польши. Рефераты читались на немецком языке. Р. Виппер подготовил доклад, посвященный старейшему правовому сборнику Германии, составленному в первой четверти XIII в., именующемуся в русской традиции как «Саксонское зеркало»: «*Der Sachsenspiegel und das livländische Ritterrecht*» («Саксонское зеркало и ливонские права рыцарства»)¹².

В 1939 г. Роберту Випперу исполнилось 80 лет. Юбилейные мероприятия широко освещались в газетах. Особый знак внимания со стороны коллег ждал Роберта Юрьевича в 1939 г. — в год его 80-летия. Коллеги выпустили в его честь юбилейный сборник «*Latviešu vēsturnieku veltījums profesoram Dr.hist. Robertam Viperam*» («Посвящение латышских историков профессору, доктору истории Роберту Випперу»), в статьях этого сборника были раскрыты научные интересы юбиляра.

Випперы и российская эмиграция в Риге

Следует помнить, что с 1919 по 1944 г. в Латвийском университете успешно преподавало много российских профессоров разных специальностей (К. И. Арабажин, В. И. Синайский, А. Н. Круглевский, Б. А. Попов, В. Н. Клименко, А. В. Старков, Э. Э. Гартъе, В. А. Косинский, А. И. Лабутин и др.), они возглавляли кафедры, были научными руководителями магистерских, докторских диссертаций в разных областях знания, тем самым поддерживая высокий интеллектуальный уровень латвийской науки. Конечно, часть профессуры по разным причинам осталась вне стен университета, вне возможности преподавания в высшей школе Латвии.

С Русскими университетскими курсами (РИУЗ)¹³, частным учебным заведением, созданным российскими эмигрантами в Риге, где преподавали профессора Латвийского университета, сын и отец Випперы были коротко связаны: в течение одного семестра в 1925/1926 учебном году на них прочел курс «Новой истории» Роберт Виппер, а «Историю нового искусства» — Борис Виппер.

Профессор Роберт Виппер за все годы пребывания в Риге опубликовал в газете «Сегодня» несколько статей, две из которых посвящены историку, профессору Александру Кизеветтеру (1927, № 38; 1933, № 11 — на кончину историка-единомышленника). В 1927 г. (№ 41) в газете была опубликована статья, посвященная работам историков Н. М. Карамзина и М. Н. Покровского. В 1927 г. Р. Виппер согласился при-

¹¹ Ibid. L. 27., 28., 39., 50., 59. lp.

¹² *Wipper R. Der Sachsenspiegel und das livländische Ritterrecht // Pirmā Baltijas vēsturnieku konference. Runas un referāti. Rīga, 1938. 206.–213. lp.*

¹³ *Ковальчук С. Из истории высшей школы в довоенной Латвии: евреи на Русских университетских курсах в Риге (1921–1937) // Евреи в меняющемся мире. Т. 4. Рига, 2003. С. 146–158; Цоя С. Русский институт университетских знаний: страницы истории // Seminarium Hortus Humanitatis. 2016. № 44. С. 3–178.*

нять участие в «Русском педагогическом ежегоднике в Латвии». Издание посвятили Федору Александровичу Эрну, «педагогу от Бога», общественному деятелю, а в недавнем прошлом министру народного просвещения Северо-Западного правительства, сформированного в Ревеле в августе 1919 г. Светлое имя замечательного человека почтили статьями педагога, политические деятели, профессора: Ю. Новоселов, Г. Тупицын, Н. Слетов, Н. Бордонос, К. Арабажин, отец и сын Випперы, М. Лазерсон, М. Вайнтроб. В 1929 г. Р. Ю. Виппер написал статью «Кодификаторы крепостного права в Лифляндии» для пражского сборника в честь 70-летия Павла Милюкова¹⁴. Пожалуй, это полный список публикаций на русском языке за 17 лет эмиграции. Правда, в газете «Сегодня» имеются две короткие публикации, посвященные юбилеям Роберта Виппера, написанные Борисом Николаевичем Шалфеевым: «70-летие проф. Р. Ю. Виппера» (1929, № 193) и «75-летие проф. Р. Ю. Виппера» (1934, № 192).

Борис Виппер и вовсе избегал общения с местной русской печатью, исключение составил упомянутый «Русский педагогический ежегодник в Латвии», Випперсын отдавал предпочтение изданиям на латышском языке. Надо отметить, что если интереснейшая рижская газета «Слово» отражала в известной мере политические монархические взгляды издателя Николая Белоцветова, то газета «Сегодня», напротив, позиционировалась издателями как европейская русская газета, не желавшая обслуживать интересы исключительно эмиграции в Латвии и за ее пределами.

Устоявшиеся задолго до распада Российской империи традиции мультикультурности, мультиэтничности привлекали в Ригу ученых и деятелей культуры в межвоенный период. Ученые, писатели, певцы, музыканты собирали полные залы в Латвийском университете, в Латвийской опере, в доме купеческой гильдии Черноголовых, Большой гильдии, Русском клубе. На афишах значились Л. Собинов, М. Чехов, Ф. Шаляпин, М. Черкасский, Н. Плевицкая, Т. Карсавина, И. Жадан, В. Качалов, Е. Студенцов, участники хора донских казаков С. Жаров, Д. Смирнов... Из Праги, Берлина, Парижа, Варшавы и других эмигрантских центров приезжали навестить Ригу В. Мякотин, С. Гессен, Ф. Степун, В. Стратонов, И. Ильин, П. Милюков, С. Шмелев, С. Завадский, И. Бунин, а в рамках деятельности Русского студенческого христианского движения (РСХД) наведывались и участвовали в съездах, проходивших в Риге, Н. Бердяев, С. Франк, В. Зеньковский, Б. Вышеславцев и многие другие¹⁵. Как правило, гости приезжали для чтения публичных лекций в разных залах Риги и Латвии. В те годы публичные лекции составляли неотъемлемую часть мероприятий культуры. Отец и сын Випперы не были особо замечены на многочисленных мероприятиях, лекциях, встречах, проводившихся в Риге. Исключением были Дни русской культуры, проходившие по всей Латвии с 1925 г., о чем сохранилось несколько упоминаний.

Российские эмигранты, вырванные из родной почвы политической бурей, на чужбине не изменили своему призванию проповедников русской культуры и с ревностью апостолов несли ее бесценные дары по всем рубежам вынужденного временного расселения русских изгнанников. Профессор А. А. Кизеветтер задолго до того, как занял должность председателя Русского исторического общества

¹⁴ Кстати, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в коллекции фондов эмиграции сохранилось 10 дел, посвященных юбилейному изданию (Ф. 36077. Оп. 1. 1929).

¹⁵ Ковальчук С. Н. Настоящий изгнанник с собой всё уносит ... С. 10–14, 19–31, 42–52, 85–108; Фейгмане Т. Д. Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции. Рига, 2000.

Чехословакии, неоднократно приезжавший в Ригу к родственникам и для встреч с единомышленниками, заботился о пополнении Архива российской эмиграции, призывал собирать документальные свидетельства эмиграции, передавать их для последующего хранения в Прагу. Напротив, Роберт Виппер, да и его сын, как истинные последователи идей Дж. Вико, были научно увлечены неповторимостью национальной культуры Латвии, неповторимостью национальной локальной истории, жаждали отыскать архивные жемчужины в своих областях знания — истории Латвии и истории искусства, ввести найденное в интеллектуальный оборот европейской культуры. Отцу и сыну это удалось, свои знания они блистательно применили к исследованию истории и культуры Латвии.

Научный багаж Виппера: Дж. Вико, история Латвии

В Латвии опытный Роберт Юрьевич проникательно узрел, умело использовал как политическую ситуацию молодого государства, так и умонастроения в среде латышских историков. Этнический немец, лютеранин по вероисповеданию, будучи человеком как бы со стороны, Виппер позволил себе стать решительным, бескомпромиссным в оценке наступательного характера германофильства в латвийской историографии. Его критицизм, мастерство в нахождении научной аргументации, искусное применение идей великого неаполитанца Дж. Вико к локальной культуре и ее истории дали мощный, интеллектуально раскрепощающий импульс латышским историкам. Идеологическая нейтральность Дж. Вико, по оценке Виппера, — это козырная карта, поскольку культурно-исторически, этнически, научно он был нейтрален по отношению к Латвии и латышам, что серьезно отличало его от фигуры (и трудов) Иоганна Гердера. И еще одна очень важная деталь: опыт Виппера — ученого-архивиста — пробудил у молодых латвийских историков мощный творческий порыв, стремление к углубленному исследованию богатейших рижских архивов XVI–XVIII вв. Они увидели благодатную перспективу для осмысления истории и культуры латышей, которые с начала XIII в. терпели бремя иноземного присутствия на своей земле. Как писал верный ученик Роберта Юрьевича Виппера Маргер Степерманис, большая эрудированность профессора позволила обратиться к источникам, которые раньше считались малоценными и незначительными. Профессор старался осмыслить содержание ценных исторических свидетельств, сравнить их с иными документами соответствующего периода, как латвийскими, так и европейскими. Он работал с источниками, испытывая большую симпатию к латышскому народу, тщательно исследовал историю крестьянского вопроса¹⁶. Его девизом могло бы быть «зреть в корень», а не просто изучать народную культуру, за что ратовал Гердер, — искать суть и смысл национальной истории. «Общественная наука, в конце концов, есть автобиография общества», — любил повторять Р. Виппер. Несомненно, новую автобиографию Латвии историк постарался написать, продолжая стезю ряда забытых немецких просветителей XVIII столетия — публициста Гарлиба Меркеля и в особенности политического писателя, славянофила Юрия Федоровича Самарина (1819–1876)¹⁷.

¹⁶ Latviešu vēsturnieku veltījums profesoram Dr.hist. Robertam Viperam / red. M. Stepermanis, A. Švābe, T. Zeids. Rīga, 1939. 17., 18. lр.

¹⁷ Ю. Ф. Самарин известен как деятельный участник рижской комиссии 1846–1848 гг. «По улучшению быта Лифляндских крестьян» (от Министерства внутренних дел), как автор «Писем из Риги»,

Дж. Вико в оценке Роберта Виппера

Профессор Виппер неоднократно, т. е. начиная с конца 1890-х годов и до 1940 г., публиковал книги, статьи, стараясь вникнуть в суть разнообразных теорий исторического процесса. Пристально, критически оказались прочитаны труды Монтескье, Вольтера, Дидро, Руссо, Конта, Адама Смита, Сен-Симона, Фр. Шлегеля, Лессинга, Гердера, Гегеля, Маркса. Но неизменно в публикациях историка первыми рассматривались воззрения на историю Дж. Вико. Виппер подчеркивал: «Вико — предтеча наших исторических взглядов, его Новая наука образует первые проблемски, первую манифестацию наших научных идей»¹⁸. Виппер сочувствовал Вико, рассматривая его как глубоко трагическую фигуру в истории европейской науки, чьи идеи опередили время, не были понятны современникам. Фундаментальный труд Вико «Основания новой науки об общей природе наций» поразил Виппера «удивительным историческим реализмом». Исторические воззрения Вико были подготовлены в лоне иных наук — филологии, юриспруденции и права, политики. Виппер перечислил труды предшественников Вико: это «Параллели древних и новых» Ш. Перро, «Государь» Н. Маккиавелли, «Шесть книг о государстве» Ж. Бодена, «Исторический и критический словарь» П. Бейля, «О праве войны и мира» Г. Гроция, «Левиафан» Т. Гоббса, «Правила для руководства ума» и «Рассуждение о методе» Р. Декарта. Перечисленных авторов, при всех отличиях в мировоззрении, объединял по мысли Виппера, реализм исследования, смелость критической мысли.

Да, Дж. Вико — признанный знаток римского права и римской истории, культуры, и при обосновании модели исторического познания он часто черпал убедительные примеры из так называемого «круговорота», «колеса» истории, или циклического развития общества. Суть этой теории в том, что исходный пункт истории и ее высший момент связаны друг с другом таким образом, что последняя, высшая стадия неминуемо возвращается к исходной, заключая в себе ключевые итоги развития общества. Неаполитанский профессор был последовательным противником идеи неуклонного прогресса человечества. По мнению Р. Виппера, Вико представлял историю человеческих обществ в виде круговорота, смены подъема и падения; теория круговорота истории была навеяна величественной многовековой историей Рима. Напротив, идеи непрерывного, неуклонно идущего прогресса человечества, возможного социального рая, были чужды неаполитанскому профессору и самому Випперу. В истории Вико не усматривал «единой великой восходящей линии, захватывающих успехов культуры, которыми будут восторгаться полстолетия спустя. Человеческий мир распадается на круговые периоды, в пределах которых обособленные общества самостоятельно вырастают и идут к упадку, подобно жизни преходящего раститель-

«Истории Риги», «Окраины России. Русское Балтийское Поморие». Шестой том «Окраин России» назывался «Крестьянский вопрос в Лифляндии» (Берлин, 1876). Биографы Самарина, подвергая сомнению некоторые положения его Балтийской серии, тенденциозность стиля, тем не менее сходятся в том, что славу его жизни составило участие в подготовке крестьянской реформы в России, обстоятельность знания крестьянского вопроса в Лифляндии. О нем см.: *Нольде Б. Э.* Юрий Самарин и его время. Париж, 1926; *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. М. 1991; *Andersons E.* Latvju Enciklopēdija. Rokville, 1990. 4 sēj. 213 lр.; *Ковальчук С. Н.* Взыскуя Истину... (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю. Ф. Самарин, Е. В. Чешихин, К. Ф. Жаков, А. В. Вейдеман. Середина XIX века — середина XX в.). Рига, 1998. С. 10–99.

¹⁸ *Виппер Р. Ю.* Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. М., 1908. С. 17.

ного или животного существа. Вико ценит жизненные черты этих смертных коллективных личностей более, чем воображаемый путь перерождений, через которое должно пройти фиктивное целое, называемое человечеством»¹⁹. Р. Виппер вслед за Вико был склонен думать, что самая блестящая цивилизация может сама собою сокрушиться, что самый совершенный строй может утратить свою силу, свой смысл, и даже потерять цену для следующих поколений²⁰.

По убеждению Р. Виппера, Вико пытался выявить «вечный и неизменный порядок вещей», говоря иначе, стремился историческую осведомленность, всезнание, знаточество сделать знанием достоверным и открыть наконец законы самого исторического процесса. Вико ставил задачи в соответствии с социологическим методом, сравнивал и открывал «в развитии обществ одинаковые для всех, неизменно повторяющиеся, нормальные ступени». Все явления социальной жизни, по Вико, правовая система, хозяйство, религия, искусство, язык образуют связную органическую систему. И если мы встречаем у народов, не знавших друг друга, «сходные понятия, формы языка, мифы, обычаи, то это и есть доказательство и выражение великого общего факта»: «идеальная история» начертана впрямь и составляет «великий план Божий, по которому все развивается в человеческом мире. <...> Все общества идут по одному пути: где и сколько бы раз ни начиналась история, она всюду и вечно будет повторять те же формы, пройдет один и тот же круг»²¹.

История, по мнению Вико, дедуктивна по своей сути. Более того, неаполитанец старательно пытался доказать и показать возможности истории стать наукой, столь же точной, как и геометрия, поскольку она (история) создает из самой себя мир известных величин, строит сама себя из собственных элементов. В связи с этим Вико провел водораздел между двумя типами историков. К первой группе он отнес историков, способных безбоязненно воссоздать портреты целых обществ или групп людей, такие законченные и трехмерные, что, глядя на них, мы думаем, будто знаем, как жили тогда люди. Ко второй группе им были отнесены историки — хранители древностей, летописцы, собиратели фактов и статистики (т. е. материала для широких обобщений), говоря иначе, образованные компиляторы или теоретики, усматривающие в игре воображения первую ступень к ясновидению, гаданию на кофейной гуще, субъективности, журналистике или чему-нибудь похуже. Иное дело Вико: его сознание было овеяно поэзией, поэтому он решительно не боялся игры воображения при работе с историческим материалом. Черты мистцизма, богатое воображение, переходящее в пророческие видения, сближали Вико с «католическими энтузиастами прежних времен», привели его к «поэтической философии Платона»²². Заметим, что вслед за Вико и Роберт Юрьевич также не раз показывал примеры научной смелости и нестандартных интерпретаций исторических событий. Виппер всегда с гордостью подчеркивал, что Вико и труд «Основания новой науки об общей природе наций» образуют «первые проблески, первую манифестацию научных идей» его, историка Виппера, взглядов.

¹⁹ Виппер Р. Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. С. 17.

²⁰ Этим настроением пронизан московский сборник статей Р. Виппера 1918 г. «Гибель Европейской культуры» (сб. статей и публичных лекций 1914–1918 гг.).

²¹ Виппер Р. Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. В связи с общественным движением на Западе. С. 9.

²² Там же. С. 8.

История Латвии в трактовке Виппера

С осени 1924 г. до весны 1941 г., т. е. в латвийский период жизни, ученым было написано много работ, переведенных на латышский язык. Помимо учебных пособий начала 1920-х годов на латышском языке, в 1925/1926 г. увидел свет двухтомник по всеобщей истории «*Vispārējā vēsture*». Если в 1924 г. в Москве вышла отдельная 256-страничная книга Р. Ю. Виппера «Четыре века Европейской истории XVI в. — начало XX века», то в Риге постепенно стали выходить книги по различным периодам Нового времени — «*Jauno laiku vēsture*». Так, в 1930 г. появился том в 300 страниц по эпохе географических открытий, Реформации церкви и религиозных войн, отпечатанный в типографии «*Dzintars*». Над этой скромно изданной книгой работали в качестве переводчиков и редакторов молодые историки Ирма Алксне, Мария Рутмане, Маргер Степерманис. С 1937 по 1939 г. в издательстве «*Grāmatu apgādniecība A. Gulbis*» вышли три красиво изданных тома: первый — по периоду абсолютных монархий и трех великих революций (1640–1795), второй — по периоду Наполеоновской империи, эпохе либерализма и национальных движений (1795–1851), а в 1939 г. был выпущен третий том, посвященный периоду развитого капитализма и милитаризма (1851–1918)²³. Последней публикацией Р. Виппера в Латвии стала небольшая монография «*Vēstures lielās problēmas*» («Большие проблемы истории») (Рига, 1940), конспективно повторившая московскую публикацию 1908 г. «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. В связи с общественным движением на Западе». Автор внес новые главы, освежил оценки исторических событий, еще раз на широком фоне истории Европы подтвердил свою позицию по осмыслению истории Латвии, крестьянскому вопросу.

Несомненно, Роберт Юрьевич зорким оком стороннего наблюдателя оценил состояние исторической науки в Латвийском университете, сумел удачно найти свою научную нишу. Еще за несколько лет до приезда в Латвию профессор Виппер приводил свою любимую мысль: «Общественная наука, в конце концов, есть автобиография общества. С течением времени автобиография не только добавляется новыми главами; она постоянно и на всем своем протяжении перерабатывается с новых точек зрения. Эти постоянно обновляемые точки зрения — вовсе не досадный придаток, вовсе не “зло” субъективизма. Они составляют живую, двигающую и организующую силу общественной науки»²⁴.

Несомненно, историк Р. Виппер постарался написать новую «автобиографию» Латвии, что подтверждают его работы²⁵. Так совсем недавно еще *чужая* история,

²³ В архивном фонде Латвийской Национальной библиотеки хранится отдельный том (частью рукописный, частью машинописный, второй или даже третий экземпляр, 742 страницы) курса лекций «*Jauno laiku vēsture: no Krimas kara līdz mūsu dienām*» («Период Нового времени: от Крымской войны до наших дней»). Лекции были прочитаны проф. Виппером в университете в 1936/1937 учебном году. Скорей всего, это чья-то запись лекций или же чей-то перевод его текста на латышский язык.

²⁴ *Виппер Р. Ю.* Новые направления в философии общественной науки // Две интеллигенции и другие очерки: сб. статей и публичных лекций 1900–1912 гг. М., 1912. С. 142.

²⁵ Приведу только небольшой перечень его статей, посвященных различным аспектам крепостного права на территории Латвии, просветителям Видземе (Лифляндии): *Dzimtbūšanas laikmeta dokumenti Vidzemē // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts*. 1927. No. 1–2; *David Hilchen. Die erste rechtliche Fixierung der Libeigenschaft in Livland // Filologu biedrības Raksti*. 1928. VII sej.; *Dzimtbūšanas*

история «осколка» Российской империи, история лимитрофа, стала для Виппера *своей*. И в этом он проявил себя как лояльный эмигрант, как истинный последователь идей Дж. Вико. Неаполитанский профессор в начале XVII столетия первым в истории европейского гуманитарного знания предложил осмысливать вклад локальных культур в общечеловеческую культуру, внимательно относиться к локальным культурам как целостным органическим системам, имеющим свою историю, социальную жизнь, правовую систему, хозяйство, иерархию ценностей (религию, искусство, язык).

Знающий читатель сразу же спросит: что нового в разработках Виппера по крестьянскому вопросу? Научная новизна в статьях Виппера по крестьянскому вопросу в Лифляндии заключается в том, что историк издал своего рода историческую «формулу», которую обыгрывал в своих выступлениях, публикациях на латышском, немецком, русском языках и, самое главное, сумел ввести локальные темы — историю Латвии и крестьянский вопрос — в контекст общеевропейской истории²⁶.

Бывший российский профессор, не обремененный предвзятостью и идейными узами с очень влиятельной и сплоченной когортой немецких историков, служивших в университете, свободный от предрассудков, въедливо, скрупулезно осмыслил «юридические достоинства» забытых документов, пылившихся в тиши архивных полок и столь важных для латышского крестьянства. Р. Виппер позволил себе весьма нелестно, накаленно, пламенно оценить претензии потомков немецкого рыцарства, которые и в XX столетии неотступно продолжали апеллировать к средневековым юридическим актам для доказательства своих прав на крепостное закабаление латышских крестьян. Несомненно, эти разработки шли вразрез с устоявшимися представлениями немецкой историографии, постоянно утверждавшей, что крепостное право было необходимо для экономического прогресса и пошло на пользу самим латышам. Опытный историк Виппер не просто перечислил известные политико-экономические, юридические документы — Привилегии 1561 г. Сигизмунда Августа, документ шведского короля Густава-Адольфа от 1629 г., Аккордные пункты Петра I, выделявшие особые привилегии немецкого дворянства, он взял на себя смелость выделить названия юридически респектабельно оформленных актов, перечислить имена авторов этих правовых документов, согласно которым со второй половины XVI в. и до конца XVIII в. латвийское крестьянство (крестьянство Лифляндии и Курляндии) находилось в состоянии унижительного закабаления. Виппер неустанно доказывал, что на рубеже XVI–XVII вв. после бурных, кровавых сражений немецкому дворянству удалось укоренить последующее многовековое закабаление свободных землепашцев. Со временем институт крепостного права в Лифляндии и Курляндии стал походить на древнеримское рабство — таково было заключение историка Виппера, безбояз-

tiesību kodifikātori Vidzemē // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts, 1930. No. 9; No XV līdz XVIII gadsimtenim // Latvieši. 1930. I. sēj.; Vidzemes apgaismotāji XVIII gadsimtēni // Latvieši. 1932. II. sēj.; Morāliskas katastrofas un morāliskas slimības Eiropas sabiedriskajā dzīvē // Latvijas Universitātes raksti / filol. un filol. fakultātes serija, 1933. II sēj.; Latviešu zemniecības tiesības un stāvoklis pirms dzimtbūšanas ieviešanas // Vēstures atziņas un tēlojumi. Vēstures skolotājiem 1936. gadā lasīto lekciju sakopojums prof. F. Baloža redakcijā. Rīga, 1937; Pāreja no zviedru valdīšanas uz krievu laikmetu // Vēstures atziņas un tēlojumi. Vēstures skolotājiem 1936. gadā lasīto lekciju sakopojums prof. F. Baloža redakcijā. Rīga, 1937.

²⁶ *Vipers R. Vēsture lielās problēmas*. Rīga, 1940. 125.–133. lpp.

ненно обнаруживавшего фамилии многих представителей немецкого дворянства, которые по политическим соображениям местные немецкие историки предпочитали тщательно скрывать и не упоминать. В список вошли следующие «антигерои» латвийского крестьянства: составитель Лифляндского земельного правового кодекса Давид Хильчен (Hilchen), Энгелбрехт фон Мегдем (Mengdem), блестящие юристы первой половины XVIII столетия барон фон Будберг (Budberg) и фон Шрадер (Schrader). «Вклад» каждого в закабаление крестьянства оценен Виппером в указанных выше статьях.

После первой публикации ученого по крестьянскому вопросу на него обрушился вал острых рецензий, откликов: немалое число книг, газетных полос конца 1920–1930-х годов сохранили следы бурной полемики немецких историков, публицистов, категорически не согласных с профессором Виппером. Решительно возражали, бранились такие маститые немецкие историки, как Леонид Арбузов (Leonid Hans Nikolaus Arbusow, 1882–1951), Александр Георг Астаф фон Транзе-Росенек (Alexander Georg Astaf von Transene-Rosenek, 1865–1946), Ганс Римша (Hans von Rimscha), Вальдемар Валфиус (Voldemārs Vulfius, Woldemar Wulffius) и др.

Использовал ли Роберт Виппер труды Гарлиба Меркеля, Юрия Самарина? Известно, что в работах Меркеля имелась известная прорусская тональность, а Самарин и вовсе писал свои политико-публицистические работы о положении лифляндского крестьянства, обладая глубоким знанием исторических документов и полемически острым осмыслением недавних или текущих событий. Упоминание имени Ю. Ф. Самарина могло вызвать нешуточный скандал в среде немецких историков, более того, напомнить о печатных баталиях, разгоревшихся в многочисленных публикациях второй половины 1860-х — середины 1870-х годов²⁷, славянофила с историками из Дерптского университета Г. фон Бокком и К. Ширреном. Прерогативой профессора истории стало особо выделить имена немецких лютеранских пасторов-просветителей, сомневавшихся в легитимности закабаления лифляндского крестьянства. Назовем эти славные имена: пастор Иоганн Георг Эйзен (Johann Eisen), пастор Генрих Иоганн Яннау (Heinrich Johann von Jannaus), юрист и пастор Эрик фон Мек (Erick von Meck), пастор Август Вильгельм Хупель (August Wilhelm Hupel), писатель Вильгельм Кристиан Фрибе (Wilhelm Friebe),

Думается, Виппер, если и не желал ссылаться на Самарина²⁸, вместе с тем стремился не давать повода для нападков оппонентам — немецким историкам, писавшим в его адрес критические статьи. И он был прав. От трудов Меркеля и Самарина следовало бы протягивать логическую цепочку к деятельности младолатышей в Петербурге и Москве, упоминать имена лидеров этого движения, к примеру, Кришьяна Валдемара (K. Valdemārs), Фрициса Бривземниека (Fr. Brīvzemnieks), показывать их связь со славянофилами, более того, осмысливать истинную сущность

²⁷ Об этом по сей день напоминают шесть томов так называемой Балтийской серии книг Ю. Самарина под общим названием «Окраины России. Русское Балтийское Поморие». Все книги этой серии печатались Ю. Ф. Самариним за пределами России.

²⁸ Имена Г. Меркеля и Ю. Ф. Самарина были увековечены на карте улиц Риги в 1923 г. по решению латвийского правительства: улицу маркиза Паулуччи переименовали в улицу им. Гарлиба Меркеля, а одну из улиц Московского форштадта назвали в честь Ю. Ф. Самарина. В 1953 г. власти города предпочли Самаринскую улицу вновь переименовать, увековечив имя М. Ломоносова.

крестьянской безземельной вольницы в Лифляндии, не увенчавшиеся успехом попытки Кр. Валдемара решить вопрос о земле путем переселения латышских крестьян во внутренние губернии империи. Пришлось бы вспомнить и поджоги помещичьих поместий в годы революционного брожения 1905–1906 гг. Вопрос о земле был решен в молодом латвийском государстве только в 1920 г. с проведением полноценной аграрной реформы.

И последний аргумент в пользу нежелания проф. Р. Виппера упоминать имя Ю. Ф. Самарина в своих работах. Откроем том самаринской серии «Окраины России. Русское Балтийское Поморие», именованный «Крестьянский вопрос в Лифляндии», который был напечатан весной 1876 г. в берлинской типографии П. Станкевича (на Beuth Strasse, д. 5), и статью Роберта Виппера из парижского сборника в честь юбилея Милюкова 1929 г., а затем сравним первые страницы этих публикаций. У Ю. Ф. Самарина первая глава называлась «Шведское крестьянское уложение XVII века и дальнейшая судьба его до открытия комитета 1803 г.». Виппер в юбилейном сборнике напечатал статью «Кодификаторы крепостного права в Лифляндии»²⁹. Профессор анализировал документы периода владычества шведской короны в Лифляндии, т. е. с 1629 г. Внимательного прочтения были удостоены юридические трактаты Хильчена, фон Мегдема, барона фон Будберга, фон Шрадера, приложивших немало усилий для окончательного закабаления крестьянства. Историк Виппер писал: «В Европе не найдется другой страны, которая бы в такой мере, как Лифляндия, изобиловала юридическими памятниками эпохи крепостного права. Нигде больше дворянство не проявило такого усиленного законодательного творчества, так много не исписало бумаги для закрепления своих притязаний. Нигде крепостное право и не получило такой точной юридической формулировки, нигде оно не могло бы похвалиться такой богатой терминологией, как в Лифляндии. Объяснение этого факта лежит в самой судьбе лифляндского крепостного права. <...> Вся эта законодательная работа лифляндцев не имеет ничего общего с обычным правом, с традициями Средних веков. Она представляет чистейший *style moderne*, совершалась она в эпоху гуманизма, реформации и просвещения; ее источники — римское право в ученой рецепции, грамоты государей Нового времени, плакаты и распоряжения администрации, наконец, абстракции и новоизобретения дворянских юристов»³⁰.

Зададимся вопросом: насколько, в какой степени непростая история Латвии обрела для Виппера статус *своей* истории? На этот вопрос ответить объективно невозможно. Думается, историк умело приспособился к обстоятельствам жизни в Латвии, он мог сохранять критический дух своих работ, направленный в адрес германофильской историографии, и в лице латышских коллег встречал участие и содействие. В его тексты на латышском языке вошла новая лексика. Если еще в 1922–1923 гг. в советской России он мог с горячностью, преисполненный имперских амбиций, уничижительно писать: «Новообразования последнего времени — все эти Эстонии, Латвии, Польши, Чехо-Словакии, Грузии, Азербейджаны — от-

²⁹ Виппер Р. Ю. Кодификаторы крепостного права в Лифляндии // Сб. статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову. 1859–1929. Прага, 1929. С. 225–239.

³⁰ Там же. С. 225.

кидывают нас сразу на 3–4 века назад»³¹, то, приехав в Латвию, историк усвоил политически корректную лексику, Латвия стала именоваться *Māras zeme* (удел Богородицы, земля Девы Марии), ее история — история земли св. Марии — *Māras zemes vēsture*. В имперской России в 1900 г. Виппер позволял себе проводить смелые параллели: «Мы склонны думать теперь скорее, что церковь никогда не стояла в стороне от других социальных форм; что церковь в каждую эпоху воспроизводила и повторяла в своей среде современное ей общество в его экономических и культурных чертах. Церковный строй был магнатский и феодально-крепостной в эпоху сеньората; в нем выдвинулись демократические элементы и формы денежного хозяйства в эпоху городского развития и т. п.»³². А в 1905 г., размышляя о общественно-политических взглядах Т. Грановского, профессор Виппер затронул нашумевшую в Германии в первой половине XIX столетия книгу Давида Штрауса (Strauss). Сочинение Штрауса характеризовалось как безжалостное, страшное, разрушительное³³. В России можно было писать фразы типа «официальное православие, непросвещенное и бесцветное, лишенное всякого лика и воли» или публиковать в 1918 г. в Москве в издательстве «Фарос» сдержанно-критическую работу «Возникновение христианства», в Латвии же научные позиции, взгляды по вопросу истории христианства, напротив, смягчались, изменялись и перерождались. Лояльный эмигрант профессор Виппер учитывал прочность положения в Латвии Евангелически-лютеранской и Римско-католической церковью. Подчеркнем, сравнивать публикации проф. Виппера разных периодов его научного творчества весьма интересно.

1940-й год, политические перемены в независимой Латвии

17 июня 1940 г. на территорию суверенной Латвии вошли войска Красной армии, осуществилась инкорпорация Латвии, Прибалтийских государств, повлекшая за собой политические преобразования согласно советским стандартам. Университет стал именоваться Латвийским государственным университетом, изменилось и название факультета, который теперь назывался факультетом истории и филологии. Новая власть и новое руководство университета не принесли неприятностей семье Випперов. Уже 29 октября 1940 г., по решению ректора товарища Пашкевича, 81-летний проф. Роберт Виппер был утвержден в должности руководителя кафедры Всеобщей истории и вспомогательных дисциплин, на кафедру истории искусства назначили Бориса Виппера³⁴. Деканом

³¹ *Vinper P. Ю.* Конец индустриальной системы // *Круговорот истории*. Сб. статей. М.; Берлин, 1923. С. 30.

³² *Vinper P. Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания // Виппер Р. Ю. *Две интеллигенции и другие очерки*. М., 1912. С. 46.

³³ *Vinper P. Ю.* Общественно-исторические взгляды Грановского // Виппер Р. Ю. *Две интеллигенции и другие очерки*. М., 1912. С. 221. — После возвращения в СССР Р. Виппер в исследовании вопроса о подлинности христианских текстов занял позиции воинствующего атеиста, тому свидетельство — две монографии: *Vinper P. Ю.*: 1) *Возникновение христианской литературы* М., 1946; 2) *Рим и раннее христианство*. М., 1954.

³⁴ Б. Р. Виппер в разное время преподавал в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского. С 1913 г. работал хранителем картинной галереи Румянцевского музея. В 1921 г. в Московском университете защитил диссертацию «Проблема и развитие натюрморта», которая по прибытии в Ригу была отклонена, защитить ее предлагалось в университетах Тарту

факультета был назначен ближайший помощник Р. Виппера, его ученик Маргер Степерманис³⁵.

1 ноября 1940 г. «Karogs» («Знамя»), издание на латышском языке, опубликовало статью Б. Виппера «*Sociālistiskāis reālisms*» («Социалистический реализм»). 25 декабря 1940 г. в газете «*Cīņa*» («Борьба», № 167) под заголовком «*Profesoru Vīperu aicina uz Maskavu*» («Профессора Виппера зовут в Москву») сообщалось о полученном Б. Виппером предложении покинуть пределы Латвии и возвратиться в Москву. Днями раньше, 22 декабря, это сообщение было напечатано в московских «Известиях». 16 февраля 1941 г. в газете «*Jaunais Komunārs*» («Молодой коммунар») появилось интервью с Б. Виппером под названием «*Zinātnei un mūsu zinātniekiem paveras jaunās perspektīvas*» («Науке и нашим ученым открылись новые перспективы»). Интервью ученый начал с утверждения, что не желает вспоминать о прошлых годах, о нестерпимо душной атмосфере, царившей в Латвийском университете, в которой трудно было работать прогрессивно мыслящим ученым, где не было свободы слова и мысли. Б. Виппер рассказал о поездке в Москву, состоявшейся в феврале 1941 г., замечательной жизни в стране Советов, о перспективах в науке, культуре, об особенностях социалистического реализма. В заключение он подтвердил, что «новое вдохновение» от советской власти получил и его отец, профессор Роберт Виппер.

Через три месяца приказом ректора Латвийского государственного университета № 74 от 7 мая 1941 г. отец и сын Випперы освобождались с 15 мая 1941 г. от служебных обязанностей в университете. Основанием служил вызов на новое место службы в Москве. Приказ подписал ректор университета Я. Юргенс. Приведем в связи с этим отрывок из воспоминаний художника Евгения Евгеньевича Климова, который в далекой Канаде размышлял о своих рижских знакомых. Он написал о проф. Борисе Виппере: «Он держался в стороне от русской общественной жизни,

или Каунаса. С 1924 г. Б. Виппер — доцент Академии художеств, в которой с большим успехом читает курс «Всеобщей истории искусства». С осени 1925 г. читал лекции на архитектурном факультете Латвийского университета — «Всеобщая история искусства», «Восточная архитектура и прикладное искусство», с осени 1926 г. начал преподавать на факультете филологии и философии. Осенью 1927 г. еще раз защитил докторскую диссертацию «Проблема и развитие натюрморта» — в Каунасе, в университете Великого князя Витовта. В 1931 г., 21 сентября, Б. Виппер был утвержден штатным профессором Латвийского университета по истории искусства. С 1930 г. — член правления Защиты памятников, правлением руководил его коллега, проф. Францис Баллод. Проф. Б. Виппер активно публиковался, в Риге его статьи и монографии выходили на латышском, французском, английском, немецком языках. Фонд Культурного капитала 16 марта 1937 г. выделил для командировки ученому 1500 латов. Кульминационным моментом научной поездки стало посещение огромной выставки произведений Тинторетто в Венеции. Экспозиция отличалась редкой полнотой, многие работы художника были впервые представлены зрителям. Несомненно, венецианская выставка дала Б. Випперу важные импульсы для последующего создания в 1948 г. монографии о Тинторетто, иные итальянские впечатления отразились в монографии «*Džoto*» («Джотто»), опубликованной в Риге в 1938 г. на латышском языке. Главная публикация — монография 1937 г. «*Latvijas māksla baroka laikmetā*» («Латвийское искусство эпохи барокко» (перевод на английский был осуществлен в 1939 г.). За эту монографию Б. Виппер получил премию Культурного фонда Латвии. В 1939 г. был награжден Крестом Почета (*Stoix de la reconnaissance*) 3-й степени. Награда присуждалась за особые заслуги перед Латвией на государственном, общественном и научном поприщах.

³⁵ В Риге в Академической библиотеке Латвийского университета по сей день хранится неопубликованная переписка Роберта Виппера и Маргера Степерманиса, сделавшего академическую карьеру при советской власти.

был замкнутым человеком. <...> Годы с 1924 по 1941 проф. Виппер провел в Латвии. Когда Латвия была оккупирована Советским союзом и началась советизация всей жизни, проф. Виппер оказался во главе комиссии, которая национализировала частные собрания картин. За месяц до начала войны проф. Виппер со своей семьей и со старым отцом уехал в Москву. На прощальном заседании педагогического совета в Латвийской Академии художеств он произнес речь, начав такими словами: „Партия и правительство зовут меня на родину”. Присутствующие на заседании были поражены, поняв, что он все годы пребывания в Латвии оставался скрытым членом компартии»³⁶.

Паспорта профессоров Випперов точно указывали дату пересечения ими российско-латвийской границы, а газета «Studentu avīze» («Студенческая газета»), вышедшая 24 мая 1941 г. (№ 18), на третьей странице в заметке «Prof. R. un B. Vīperam aizbraucot» («Отъезд проф. Р. и Б. Випперов») сообщала, что 16 мая 1941 г. в 16.45 от перрона рижского железнодорожного вокзала отбыл поезд дальнего следования «Рига — Москва», в уютном купе которого разместилась семья профессоров Випперов. Провожали ученых многочисленные коллеги и студенты, перрон утопал в красных цветах, на прощание Борис Виппер рассказал о том, что его ждет работа — руководство кафедрой истории и теории искусства в Институте истории философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского, Роберта Виппера ждут в АН СССР для редакционной работы над капитальным трудом по мировой истории.

Затруднительно назвать еще кого-нибудь из представителей российской эмиграции в Латвии, кто уезжал бы так в Москву — столь почетно, со всей домашней утварью. Пожалуй, — никто! Все годы жизни в Риге над именами отца и сына Випперов витала паутина недомолвок, подозрений в связи с соответствующими органами Советской России. Они стояли особняком по отношению к многочисленной, довольно пестрой российской эмиграции, ни с кем дружеских отношений особо не поддерживали, их присутствие было редким событием на так называемых русских мероприятиях. Эти подозрения усилились с их отбытием в Москву. Отъезд Випперов многие восприняли как предательство, как презрение к доверию, которое им было оказано в Латвии. Но уже через месяц, 14 июня 1941 г., в СССР будет депортирована большая группа профессоров и преподавателей университета, а летом, в сентябре 1944 г., накануне вступления Красной армии на территорию Латвии, ее покинут (уедут в Чехию, Германию, Швецию) те, кто не выехал легально в Германию осенью/зимой 1939/1940 г., кого «не замечала» советская власть с июня 1940 по июнь 1941 г.³⁷

Негативные отклики на отъезд Випперов в латышской эмигрантской печати публиковались вплоть до 1990-х годов, при этом противоположная точка зрения всегда сопровождала их имена в публикациях Советской Латвии после 1945 г. Политические, идеологические перемены вынуждали отторгать и не держать при себе прошлого. Если память о российской эмиграции в Латвии размылась, энергия заб-

³⁶ Климов Е. Е. Встречи в Петербурге, Риге, русском зарубежье. Из воспоминаний художника. Рига. 1994. С. 30.

³⁷ См.: *Stradiņš J. Totalitāro okupācijas režīmu represijas pret Latvijas zinātni un akadēmiskajām aprindām (1940–1945) // Totalitārie okupācijas režīmi Latvijā 1940.–1964. gadā. Latvijas Vēsturnieku komisijas 2003. gada pētījumi. Latvijas vēstures institūta apgāds. Rīga, 2004. 13. sēj. 130.–160. lpp.*

вения оказалась сильнее памяти, то беспамятство обошло имена Випперов, на них не была наложена печать запрета, как на многие другие имена эмигрантов из России межвоенной поры³⁸. Стоит отметить, что в марте 2018 г. в Латвийском университете прошла небольшая конференция «Три жизни одного историка: Роберт Ю. Виппер (1859–1954) в российской, латвийской и советской историографии», собравшая историков Риги, Москвы и Майнца³⁹.

Как бы ни оценивалось поведение Роберта и Бориса Випперов в связи с их отъездом в советскую Россию в мае 1941 г., никто не осмелился отрицать, что все годы пребывания в Латвии они с достоинством несли лучшие традиции дореволюционной российской науки. Многочисленные содержательные публикации отца и сына открыли новые страницы в исторической науке, искусствознании. Щедрость их талантов успешно проявилась на педагогическом поприще — в деле воспитания студентов и молодых ученых Латвийского университета.

References

- Berlin I. *Filosofia svobody. Evropa*. Moscow, NLO, 2014, 439 p. (In Russian)
- Choi S. Russkii institut universitetskikh znani: stranitsy istorii. *Seminarium Hortus Humanitatis*. Ed. by S. A. Mazur. 2016, no. 44, pp. 3–178. (In Russian)
- Feigmane T. D. *Russkie v dovoennoi Latvii. Na puti integratsii*. Riga, BRI, 2000. (In Russian)
- Kovalchuk S. N. Iz istorii visshei shkoly v dovoennoi Latvii: evrei na Russkikh universitetskikh kursakh v Rige (1921–1937). *Evrei v meniaiushchemsia mire*. Vol. 4. Riga, Shamir, 2003, pp. 146–158 (In Russian)
- Kovalchuk S. N. *Nastoiashchii izgnannik s soboi vse unosit: syd'by uchenykh-emigrantov v Latvii 1920–1944 gg.* Moscow, Novyi hronograf, 2017, 431 p. (In Russian)
- Kovalchuk S. N. *Vzyskuia Istinu... (Iz istorii russkoi religioznoi, filosofskoi i obshchestvenno-politicheskoi mysli v Latvii: Y. F. Samarin, E. V. Cheshihin, K. F. Zhakov, A. V. Veideman. Seredina XIX veka — seredina XX v.)*. Riga, LU FSI, 1998, 245 p. (In Russian)
- Lusis K. *Filosofskaia interpretatsia istoricheskogo znaniia v trudakh R. Y. Vippera*. Diss. kand. filos. nauk. Riga, Institut istorii AN LSSR, 1977, 19 p. (In Russian)
- Nolde B. E. *Yuri Samarin i ego vremia*. Paris, Societe Anonyme Imprimerie de Navarre, 1926, 241 p. (In Russian)
- Safronov B. G. *Istoricheskoe mirovozzrenie R. Y. Vippera i ego vremia*. Moscow, Moscow University Press, 1976, 222 p. (In Russian)
- Stradiņš J. Totalitāro okupācijas režīmu represijas pret Latvijas zinātni un akadēmiskajām aprindām (1940–1945). *Totalitārie okupācijas režīmi Latvijā 1940.–1964. gadā. Latvijas Vēsturnieku komisijas 2003. gada pētījumi*. Rīga, Latvijas vēstures institūta apgāds, 2004, 13. sēj., 427 p.
- Vipper R. Y. *Dve intelligentsii i drugie ocherki. Sbornik statei i publicnykh lektsii 1900–1912 gg.* Moscow, Tipo-litografiia Tovarishstva I. N. Kushnerov i K^o, 1912, 325 p. (In Russian)
- Vipper R. Y. *Gibel' Evropeiskoi kul'tury. Sbornik statei i publicnykh lektsii 1914–1918 gg.* Moscow, Znanie — sila, 1918, 105 p. (In Russian)
- Vipper R. Y. *Kodifikatory krepostnogo prava v Lifliandii. Sbornik materialov i statei, posviashchennykh Pavlu Nikolaevichu Miliukovu. 1859–1929*. Praga, Tipografia Orbis, 1929, pp. 225–239. (In Russian)

³⁸ См.: Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976. — Автор использовал воспоминания историка проф. Маргера Степерманиса. В Риге была защищена кандидатская диссертация: Лусис К. Философская интерпретация исторического знания в трудах Р. Ю. Виппера: автореф. ... канд. филос. наук. Рига, 1977.

³⁹ Библиотечные работники Латвийского университета подготовили к конференции на латышском и русском языках виртуальную выставку с указанием огромного числа публикаций самого проф. Р. Ю. Виппера и публикаций о нем. URL: <https://www.biblioteka.lu.lv/izstades/virtualas-izstades/roberts-vipers/ru/> (дата обращения: 04.11.2018).

- Vipper R. Y. *Krugovorot istorii. Sbornik statei*. Moscow; Berlin, Vozrozhdenie, 1923, 201 p. (In Russian)
- Vipper R. Y. *Obshchestvennye ucheniia i istoricheskie teorii XVIII i XIX vv. v sviazi s obshchestvennym dvizheniem na Zapade*. Moscow, Tipo-litografiia Tovarishchestva I. N. Kushnerov i K°, 1908, 208 p. (In Russian)
- Vipers R. *Vēsture lielās problēmas*. Rīga, A. Gulbis, 1940, p. 178.
- Wipper R. Der Sachsenspiegel und das livländische Ritterrecht. *Pirmā Baltijas vēsturnieku konference*. Runas un referāti. Rīga, Latvijas Vēstures institūta izdevums, 1938, pp. 206–213.

Статья поступила в редакцию 16 июля 2018 г.

Рекомендована в печать 30 ноября 2018 г.

Received: July 16, 2018

Accepted: November 30, 2018